

lubricas»), не нужно обманываться относительно смысла слов: «современность» — это схоласты, философы и теологи.

Таким образом, мы видим, что в Италии с конца XIV века сложилась группа образованных людей, которые требовали совершенно иной культуры, нежели культура парижских школ. Сам Петрарка был клириком, и он среди этих друзей изящной словесности встречал не одного монаха, но ни Боккаччо, ни Салутати, ни Бруни не были церковными людьми. Ни один из тех, о ком мы рассказывали, кажется, не строил ни малейших замыслов против христианской религии: Салутати был очень набожным человеком, Бруни — явно менее набожным, и если даже можно предположить, что среди них были

настоящие язычники, которых осторожность принуждала к молчанию, подобное

ние не оставило никаких следов. Говорит здесь о группе можно только в весьма при близительном смысле. Утомленные диалектической теологией в учебных заведениях или просто чуждые ее влиянию, все эти люди выработали идею культуры, по своему су ществу литературной и философской, основанной на наследии ораторов, поэтов и философов античности, не исключая Аристотеля, но связывая ее с Платоном. Все они обладали живым чувством красоты в искусстве письма, сохраняя при этом большую свободу в применении правил, которые они создали, стремясь приблизиться к классическим образцам. Их искусство — в сущности искусство подражания. Чтобы отметить исключительное положение Петрарки в этой группе, надо сказать, что в красноречии он равнялся Цицерону, а в совершенстве — Вергилию. Сказать так — значит сказать многое, и это вовсе не предполагает, что подобное о нем говорили или говорили ему самому; но это указывает на правило, или мерилло, которым все измерялось в мире, называвшемся «nostra studia». Единодушную относительно великолепия классиков группу глубоко разделяли ссоры между почитателями «древности» и сторонниками «современности». Ибо нельзя забывать, что быстрое развитие в Италии классических исследований относилось к литературе на народном языке — обстоятельство, которого опасались как фатального. Наряду с классицизмом людей благородного происхождения, таких, как Боккаччо и Салутати, не считавших, что восхищение Вергилием заставляет презирать Данте и Петрарку, появился классицизм эрудитов, а вскоре — и педантов, для которых все написанное не на латыни и не на греческом не заслуживало ни написания, ни чтения. Франческо Ринуччини (Rinucini, 1350—1407) в своем сочинении «Инвектива против клеветников на Данте, на мессира Франческо Петрарку и мессира Джованни Боккаччо» протестует против тех, кто назы-

559

1 Возвращение литературы в Италии

вает произведение Петрарки «О прославленных мужах» («De viris illustribus») произведением «постного арлекина» и говорит, что Данте хорош для сапожников. Особенно Ринуччини жалуется на некоторых приверженцев грамматики, использующих ее для устранения всех других свободных искусств, рискуя потерять и самое ценное в самой грамматике. Эти болтуны занимаются поисками того, сколько дифтонгов было у древних, и задаются вопросом, почему в итальянском языке их только два. Кажется, их интересуют только книги Тита Ливия, причем те, которые мы утратили. Впрочем, это прекрасная тема для литературных дискуссий, особенно если в «Диалогах с Петром Гиструмом» («Dialogi ad Petrum Histrum») Леонардо Бруни мы увидим, что Никколо Никколи последовательно поддерживает оба противоположных тезиса. Поскольку все эти